Первые государства в истории человечества: агроэкология, письменность, зерно и городские стены

Дж. Скотт

Джеймс Скотт, профессор политологии и антропологии, соруководитель программы аграрных исследований Йельского университета. 208209, Нью-Хейвен, CT 06520–8206, США. E-mail: james.scott@yale.edu

Статья посвящена «зерновой гипотезе» — поискам ответа на вопрос, почему зерновые культуры, обычно ячмень, рожь, пшеница, рис, кукуруза и просо, так тесно связаны с первыми государствами. Автор полагает, что эти культуры в наибольшей степени способствуют концентрации производства, сбору налогов, кадастровой оценке, хранению и нормированию. На подходящих почвах пшеница обеспечивает агроэкологию, результирующую в высокой плотности населения. Если бы мы оценивали сельскохозяйственные культуры с позиций досовременного сборщика налогов, то отдали бы предпочтение зерновым (прежде всего орошаемому рису), а не клубневым и корнеплодам. Иными словами, формирование государств становится возможным только тогда, когда в пищевом рационе преобладает несколько одомашненных зерновых культур. Если же рацион обеспечивают очень разные хозяйственные практики, что характерно для охотников-собирателей, подсечно-огневых земледельцев, морских торговцев и др., то государство вряд ли возникнет, поскольку в его распоряжении не будет легко поддающихся оценке и присвоению ресурсов. Государство не изобрело ирригацию для концентрации населения, не говоря уже об одомашнивании сельскохозяйственных культур, — все это изобретения догосударственных народов. Сразу после возникновения государство прилагало все усилия, чтобы поддерживать, укреплять и расширять агроэкологический фундамент своего могущества, занимаясь тем, что мы бы сегодня назвали ландшафтным обустройством. Последнее включало очистку заиленных каналов, рытье новых фидерных каналов, расселение военнопленных на пахотных землях, наказание тех, кто отказывался заниматься земледелием, расчистку новых полей, запрет не облагаемой налогом деятельности (подсечно-огневого земледелия и собирательства) и предотвращение бегства своих подданных. Первые государства стремились создавать понятный, обмеренный и единообразный ландшафт на основе налогооблагаемого зернового земледелия и удерживать на своей территории большое население, необходимое для барщинного труда, военной службы и, конечно, производства зерна. По множеству экологических, эпидемиологических и политических причин государствам часто не удавалось достичь этих целей, но они продолжали составлять предмет их самых заветных мечтаний.

Ключевые слова: «зерновая гипотеза», агроэкология, государственное строительство, концентрация населения, оседлый образ жизни, догосударственные народы, единообразный ландшафт, экологические и политические причины

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-6-32

> Кто бы ни имел серебро, драгоценности, быка или овцу, сядет у ворот того, кто имеет зерно, и проведет у них все свое время.
> *Шумерский текст «Спор овцы и зерна»*

> ...В конечном счете люди поклоняются тому человеку или группе, которые могут и осмеливаются завладеть кладом, запасом зерна или богатствами, чтобы вновь раздать их людям.
> *Д. Г. Лоуренс*

Если приравнять цивилизацию к государству, а архаичную цивилизацию — к оседлому образу жизни, земледелию, орошению и городам, то придется признать, что наша историческая хронология в корне неверна. Все эти достижения эпохи неолита существовали задолго до того, как мы обнаруживаем нечто похожее на государство в Месопотамии. На основе имеющихся сегодня данных следует признать, что зачаточные формы государственности возникали благодаря запасам зерна и рабочей силы, сложившимся в эпоху позднего неолита, — государство их контролировало или захватывало. Эти запасы были единственным строительным материалом для государств.

Оседлое население, выращивающее одомашненные зерновые культуры, и небольшие города с численностью населения около тысячи человек, занимающиеся торговлей, были итогом неолита и возникли примерно за тысячелетие до появления первых государств, в 3300 г. до н. э. (Pournelle, 2012: 255). Эти первые города «следует представлять себе как острова посреди болотистой равнины, расположенные на границах и в самом сердце обширных дельтовых болот... водные пути между ними служили не столько оросительными каналами, сколько транспортными артериями» (Pournelle, 2012: 28). Хотя ранее и за пределами южных аллювиальных наносов возникали протогородские поселения, очевидно, что именно здесь, благодаря обилию заболоченных земель, формирование городов было более устойчивым, долговечным и активным (Pournelle, Algaze, 2010: 5–7).

Протогородской комплекс представлял собой исторически новую и уникальную концентрацию рабочей силы, пахотных земель и продовольствия и, будучи «захвачен» (вряд ли можно говорить о «паразитировании»), мог быть превращен в мощный оплот политической власти и привилегий. Однако неолитический агрокомплекс был необходимым, но не достаточным фундаментом для государства: он делал его возникновение возможным, но не гарантированным. В веберовской терминологии, речь идет скорее об «избирательном сродстве», чем о причине и следствии. В тот период было возможно и даже было распространено оседлое земледелие — на аллювиальных почвах, с применением орошения, но без каких бы

то ни было форм государственности[1]. Однако не существовало государств без аллювиального зернового земледелия.

Но в таком случае как возникает государство? Смогли бы мы опознать настоящее первое государство, если бы увидели его? Здесь нет однозначного ответа, и я склонен трактовать государственность скорее как гипотезу, чем как жесткое противопоставление «или — или». У государственности множество правдоподобных атрибутов, и чем большим их числом обладает конкретная форма правления, тем с большей вероятностью мы назовем ее государством. Первые городские поселения оседлых собирателей, земледельцев и скотоводов, которые устанавливали общие правила жизни и торговли с внешним миром, не могут считаться государствами. И традиционный веберовский критерий, согласно которому государством считается территориальная политическая единица, монополизировавшая право на насилие и принуждение, здесь не адекватен, потому что считает само собой разумеющимися многие другие характеристики государственности. Государство — институт, в котором существует слой чиновников, занимающихся исключительно расчетами и сбором налогов (в форме зерна, труда или денег) и подчиняющихся правителю. Государство — инструмент власти в сложных, стратифицированных, иерархически устроенных обществах с четким разделением труда (ткачи, ремесленники, священнослужители, кузнецы, чиновники, солдаты, земледельцы и пр.). Некоторые авторы применяют более жесткие критерии, например, что государство должно иметь армию[2], оборонительные стены, крупный ритуальный центр или дворец и, возможно, царя или царицу.

Учитывая столь многообразные признаки, попытки точного определения даты рождения первых государств провоцируют пространные рассуждения, ограничиваемые лишь убедительными археологическими и историческими свидетельствами из нескольких регионов. Поэтому я предлагаю выбрать из списка атрибутов государственности наиболее приоритетные для ее становления: территорию и специализированный государственный аппарат, т. е. стены, налоги и чиновников. Соответственно, «государство» Урук однозначно существовало уже в 3200 г. до н. э. Период с 3200 до 2800 г. до н. э. стал

1. Шумерская ирригация сегодня считается менее централизованной, чем казалось прежде, поскольку работы по созданию каналов носили кратковременный характер и легко организовывались местными сообществами (Wilkinson, 2013: 48). Видимо, то же самое можно сказать о Египте.
2. Ответ на вопрос о том, когда можно говорить о возникновении армии, не так уж прост. От ранней Месопотамии до нас дошли изображения битв, оружия, доспехов и, конечно, добычи и пленников военных кампаний. Тексты свидетельствуют, что уже тогда появилась как воинская повинность, так и широко распространенные попытки от нее уклониться. Первые документальные упоминания постоянной армии, однако, относятся к более позднему периоду — аккадской династии Саргон (2334–2279 гг. до н. э.) (Nemet-Nejat, 2002: 231).

«эрой великих цивилизаций» на Ближнем Востоке, а «Вавилон — регионом, породившим наиболее сложные экономические, политические и социальные порядки»[3] (Nissen, 1988: 127). Не случайно знаковым действием для шумерской государственности было строительство городской стены. В Уруке она была возведена в период с 3300 до 3000 г. до н. э., во времена предположительного правления Гильгамеша. Урук стал первой формой государственности, которая затем воспроизводилась во всех аллювиальных районах Месопотамии — примерно двадцатью конкурирующими городами-государствами или «аналогичными формами правления». Эти политические образования были столь малы, что можно было за день пройти пешком расстояние от их центра до внешней границы.

Благодаря политическому и экономическому контролю над скромной сельскохозяйственной периферией и иерархически организованному управлению вавилонский город Урук в конце четвертого тысячелетия до н. э. соответствовал критериям города-государства. Первоначально он считался уникальным по своим размерам и системе власти, однако сегодня у нас есть масса доказательств тому, что не позже первой половины третьего тысячелетия до н. э. ключевые для того периода города Киш, Ниппур, Исин, Лагаш, Эриду и Ур были Уруку под стать (Nissen, Heine, 2009: 42).

То, что Урук выглядит особенно внушительно в исследованиях ранних этапов государственного строительства, объясняется не только тем, что он, вероятно, был первым государством, но и тем, что он оставил массу археологических свидетельств своего существования. По сравнению с Уруком наши знания о прочих первых центрах государственности в Месопотамии отрывочны. Для своего времени Урук, видимо, был самым крупным городом мира с точки зрения размеров и численности населения. Оценки его населения колеблются от 25 до 50 тыс. человек, и оно увеличилось в три раза за 200 лет, что вряд ли объясняется лишь естественным приростом, учитывая высокий уровень смертности. Поскольку названия Ур, Урук и Эриду явно не шумерские по этимологии, можно предположить, что Урук расширялся за счет иммиграции, замещающей или поглощающей прежнее его население. Сохранившиеся барельефы, изображающие военнопленных в кандалах на шее, указывают на еще один способ пополнения городского населения.

Стены Урука окружали территорию примерно в 250 гектаров, что в два раза превышает размеры Афин классического периода на три тысячелетия позже. Опираясь на расчеты Дж. Постгейта,

3. Важные археологические свидетельства, такие как захоронения местных элит, датируются более поздним периодом, примерно 2700 г. до н. э., а свидетельства существования царей и постоянных армий — 2500 г. до н. э. Поскольку было найдено всего несколько захоронений, датируемых до 2700 г. до н. э., можно сослаться на поговорку «отсутствие доказательств не есть доказательство отсутствия».

согласно которым другой шумерский город, Абу Салабих, с населением в 10 тыс. человек контролировал сельскую периферию радиусом в 10 км, можно предположить, что аналогичная периферия Урука была по крайней мере в два-три раза больше (Postgate, 2003: 83). Кроме того, обнаружена масса свидетельств тому, что храмы мобилизовывали значительные трудовые ресурсы для решения сельскохозяйственных и прочих задач, о чем говорят тысячи одинаковых чаш, которые использовались, судя по всему, для распределения среди работников продовольственных и пивных пайков. Другие признаки государственности включают наличие специальной группы писцов, солдат (на полный рабочий день?) с полным обмундированием и усилия по стандартизации мер и весов. Далее мои рассуждения о первых государствах, если я не указываю иное, основываются на обширной литературе, посвященной Уруку, за редкими исключениями отсылок на расположенный рядом, столь же хорошо исторически описанный, хотя и проживший более короткий век, город Ур третьей династии, существовавший на тысячелетие позже.

Если государственное строительство зависит от контроля и концентрации зерна и рабочей силы в аллювиальных районах, то возникает вопрос, как первые государства смогли обрести власть над этими зерно-человеческими модулями. Потенциальные подданные нашего гипотетического государства имели прямой доступ к воде и земледелию, основанному на разливе рек, а также к разнообразным практикам выживания, помимо земледелия. Одно убедительное объяснение тому факту, что это земледельческое население удавалось сконцентрировать на одной территории и превратить в подданных государства, сводится к роли климатических изменений. Х. Ниссен показывает, что период с 3500 до 2500 г. до н. э. характеризовался резким снижением уровня моря и сокращением объема воды в Евфрате. Засуха привела к сокращению бассейна реки до ее основного русла и притоков, поэтому население сосредоточилось вокруг этих водных артерий, а засоление почв в районах, оставшихся без воды, резко сократило размеры пахотных земель. Постепенно население достигло поразительной степени концентрации и стало более «городским». Ирригация стала крайне важна и одновременно более трудоемка (часто требовала подъема уровня воды), а доступ к вырытым каналам — жизненно необходимым. Города-государства (например, Умма и Лагаш) боролись за пахотные земли и доступ к воде, чтобы орошать их. С течением времени благодаря барщине и труду рабов была создана разветвленная сеть искусственных каналов.

Если признать верность предлагаемого Ниссеном сценария перехода от засухи к демографическим последствиям концентрации населения (сценарий имеет убедительную доказательную базу), то это одна из правдоподобных версий формирования городов. Недостаток воды для орошения полей приковывал все больше населения к не страдающим от засухи территориям и тем самым исключал

или снижал важность альтернативных форм выживания, основанных на собирательстве и охоте. «Подобное уже наблюдалось ранее, в прежние эпохи, когда наметилась тенденция концентрации поселений вдоль русел крупных рек, а районы между реками теряли население» (Nissen, 1988: 130). Затем климатические изменения, усиливая урбанизацию (проживание 90% населения на территории в 30 или больше гектаров), обусловили интенсивное формирование зерно-человеческих модулей — идеальной основы государственности. Засуха стала незаменимой служанкой государственного строительства, обеспечивая концентрацию населения и зерна в зародышевых формах государств, которые в ту эпоху не могли возникнуть никак иначе.

Практически повсеместно, а не только в Месопотамии, первые государства подстроились под этот источник своего существования. Плотная концентрация зерна и рабочей силы на почвах, которые (аллювиальные или лессовые) только и могли обеспечить столь огромные объемы и того и другого, максимизировала возможности присвоения богатств, стратификации и неравенства. Государство колонизирует это ядро как свою производственную базу, увеличивает его размеры, интенсифицирует производство и время от времени создает инфраструктуру (скажем, транспортную и ирригационную), чтобы откормить и сберечь того гуся, что несет ему золотые яйца. Можно назвать эту форму интенсификации конструированием элитной жизненной ниши — за счет изменения ландшафта и экологии в целях повышения производительности естественной среды. Безусловно, только при наличии плодородных почв и доступа к воде можно было полагаться на экологические ресурсы для интенсификации земледелия и демографического роста, поэтому только в таких условиях возникали первые бюрократические государства.

Однако развитие месопотамского государства не было линейным. Продолжительность жизни малых форм государственности, возникавших на аллювиальных почвах, как и их жителей, была крайне мала. Периоды междуцарствий были более привычны, чем «царствия», а эпизоды краха и распада — обычным явлением. Позднеолитический протогородской комплекс даже в самых благоприятных обстоятельствах был крайне рискованным предприятием. Его существованию угрожали непредсказуемые ливни, наводнения, вредители и болезни растений, скота и человека, которые могли уничтожить поселение или, что более вероятно, вынудить его жителей рассеяться по местности и заняться охотой, собирательством или скотоводством.

К серьезным рискам неолитического комплекса государство добавило дополнительный слой хрупкости и угроз, яркий пример чему — налоги и войны. Налоги в натуральной форме (зерном или скотом) и трудовые отработки означали, что крестьянин должен был обеспечивать не только свое домохозяйство, но и фонд ренты, который элиты присваивали в интересах собственного выживания

и демонстрации своей власти, хотя могли в голодное время раздавать населению зерно из своих амбаров, чтобы сохранить подданных. Сложно сказать, насколько тяжелым было налоговое бремя, но оно, несомненно, различалось по историческим периодам и государственным образованиям. Судя по аграрной истории в целом, вряд ли налог зерном составлял меньше пятой части урожая. По сути, земледельцы постоянно балансировали на грани выживания, потому что неурожай при отсутствии налогов означал голод, а неурожай в сочетании с налогами — полное разорение и гибель.

Обнаружена масса свидетельств частых войн между соперничающими городами-государствами в южных аллювиальных районах. Сложно сказать, насколько они были кровопролитными, учитывая ценность человеческих ресурсов для всех первых государств. Скорее всего, войны того периода были разрушительными, а не кровопролитными. Одна из оценок военных столкновений между малыми государствами утверждает, что их население всегда балансировало на грани выживания, за исключением тех моментов, когда победившая армия возвращалась домой с награбленным (Nemet-Nejat, 2002: 100). Добыча победителя означала потери для побежденного, но не только: военные действия влекли за собой сожжение засеянных полей, захват зернохранилищ, воровство скота и предметов домашнего обихода, т. е. собственная армия была не меньшей угрозой для населения, чем армия врага. Первые государства, переменчивые, как погода, были скорее угрозой, чем благодетелем для своего населения.

Архаические государства были аграрными и нуждались в определенном излишке продуктов земледелия и скотоводства, чтобы кормить свои непроизводительные классы — чиновников, ремесленников, солдат, священников и аристократию. Учитывая транспортную инфраструктуру древнего мира, это означало максимальную концентрацию плодородных земель и человеческих ресурсов в минимальном радиусе. Неолитический переселенческий лагерь, возникший на богатых аллювиальных почвах, оказался удобным ядром-средоточием людей и зерна, в котором можно было создавать государство.

Можно еще больше конкретизировать географические условия, необходимые для государственного строительства: это самые плодородные земли, урожайность которых в расчете на гектар позволяла прокормить большое население на компактной территории и гарантировать налогооблагаемый излишек продовольствия. Речь идет о лессовых почвах (создаваемых ветрами) или аллювиальных (формируемых наводнениями). Вторые, будучи даром ежегодных разливов Тигра, Евфрата и их притоков, стали фундаментом государственного строительства в Месопотамии: нет аллювиальных почв — нет государства[4]. Если предсказуемые наводнения, без ка-

4. Поскольку торговля начала бурно развиваться во втором тысячелетии до н. э., стратегически важные точки на сухопутных и морских торговых

тастрофических последствий, позволяли, то развивалось ирригационное земледелие на паводковых разливах — на легко обрабатываемом питательном иле (в Египте вдоль берегов Нила), и тогда плотность населения могла существенно возрасти. Первые государственные центры Китая (династии Цинь и Хань) оформились на лессовых почвах по берегам Желтой реки — здесь плотность населения достигла редких для доиндустриальных обществ показателей. Чтобы проследить логику развития китайской государственности, необходимо исследовать обусловившую ее агроэкологию. Как отмечал О. Латтимор, «орошение было особенно плодотворным в лессовом ядре Древнего Китая, где почвы были мягкими, без камней, легко подвергались обработке, а климат позволял выращивать разные культуры — этот комплекс условий срабатывал до тех пор, пока земля была подходящей» (Lattimore, 1962: 475).

Вода была жизненной необходимостью. Ее изобилие в заболоченных районах стало предпосылкой формирования первых крупных оседлых сообществ. Только хорошо увлажненные аллювиальные почвы в районах с гарантированными осадками или в непосредственной близости от воды могли обеспечить государственное строительство. Но вода была жизненно важна и по другим причинам. Будучи расположены в пойме рек и специализируясь на производстве зерна, первые государственные центры Месопотамии не были экономически самодостаточными. Они нуждались в надежных источниках продуктов, которые производились в иных экологических зонах: древесине, коже, обсидиане, меди, олове, золоте и серебре, — и выменивались на гончарные изделия, одежду, зерно и ремесленные товары[5]. Большинство товаров приходилось перевозить по воде, а не по суше. Рискну предположить, что утверждение «нет водного пути — нет государства» не будет преувеличением[6]. Перевозки на корабле или небольшой барже в несколько раз более выгодны, чем на осле или телеге. Это подтверждается тем поразительным фактом, что уже в 1800 году (до изобретения парохода и железной дороги) на корабле можно было добраться из Са-

путях (у которых не было сельской периферии) становились центрами государственного строительства. Существенно позже, с началом оптовых перевозок, государственное строительство в торговых портах (например, в Венеции, Генуе и Амстердаме) породило морские государства, получавшие бóльшую часть продовольствия по морским путям с отдаленных территорий.

5. Медь и олово обрабатывались частично, потому что в аллювиальных районах было недостаточно высококачественного топлива для выплавки.
6. Исключения — естественно сложившиеся узловые точки на сухопутных торговых путях, такие как горные проходы, броды и оазисы в пустыне. Малаккский пролив — важный географический пункт государственного строительства в Юго-Восточной Азии, классический пример одновременно и водного маршрута, и узловой точки, контролирующей водный торговый путь между Индией и Китаем.

утгемптона в Англии до мыса Доброй Надежды примерно за то же время, что доехать на дилижансе из Лондона в Эдинбург[7]. И, конечно, корабль мог перевезти куда больше груза. Чудо преодоления водным транспортом огромных расстояний за короткое время означало, что практически не существовало первых государств, которые бы не зависели от судоходных путей (прибрежных или речных), чтобы обеспечивать свои потребности с помощью торговли. Будучи расположены в междуречье Тигра и Евфрата, первые государства пользовались преимуществами их течения, чтобы сплавлять такие товары, как древесина, с минимальными затратами труда. Возможно, это не совпадение, что в эпосе о Гильгамеше повествуется о сплаве по реке плота из кедра — плот стал главными «воротами» нового города после убийства великана, охранявшего великий лес.

Преодоление препятствий — одна из ключевых задач государственного строительства. Судоходные и спокойные на протяжении всего года реки — типичный путь преодоления расстояний. Очень способствует формированию государств и равнинная территория. Поймы рек обычно равнинны, а пересеченная местность в несколько раз повышает транспортные расходы. Понимая экологическую подоплеку государственного строительства, Ибн Хальдун отметил, что арабы легко завоевывали равнины, но не могли преодолеть горы и ущелья[8].

---

7. Этот пример, который я позаимствовал из первых параграфов истории Британии XIX века, один из моих читателей назвал «городским мифом». Хотя я не смог восстановить исходную цитату, я могу доказать свою правоту более убедительным способом. Достаточно быстрый экипаж в то время преодолевал в среднем 20 миль в день. Расстояние между Лондоном и Эдинбургом составляет около 400 миль, соответственно, путешествие из одного города в другой заняло бы около 20 дней. Быстрое судно-клипер в 1800 году могло пройти за день 460 миль. Расстояние между Саутгемптоном и Кейптауном составляет около 6 тысяч миль, и морское путешествие при попутном ветре заняло бы около 13 дней. Медленному клиперу, идущему со скоростью 300 миль в день, на это понадобилось бы 20 дней. В целом затраты на водные путешествия в доиндустриальной Европе были оценены одним чиновником как составляющие одну двадцатую от затрат на сухопутные перемещения. Например, при перевозке угля по суше в XVI веке каждую милю груз терял 10% своей стоимости, поэтому перевозки угля на расстояние больше 10 миль были невыгодны. Зерновые грузы обладали большей стоимостью в пересчете на единицу веса и объема, поэтому теряли только 0,4% стоимости на каждую милю и должны были преодолеть более 250 миль, прежде чем стать убыточными. Конечно, грабежи (совершаемые разбойниками и пиратами) и наем вооруженных конвоев значительно корректировали эти абстрактные эконометрические расчеты.
8. Географические препятствия важны и по другой причине. Государство нуждается в большой численности населения (земледельцах, работниках, солдатах и налогоплательщиках), и ему очень помогает «география», если людям некуда бежать в случае недовольства. Как показал Р. Карнейро, в Месопотамии население оказалось «зажато», «согнано» и даже «заклю-

История первых государств обнаруживает и обратную закономерность — условия, в которых государственное строительство было маловероятно или невозможно. Если концентрация населения упрощает формирование государств, значит, его рассеяние, наоборот, мешает государственному строительству. Если богатые, хорошо орошаемые аллювиальные почвы обеспечивают концентрацию населения, следовательно, первые государства не могли возникнуть на неаллювиальных почвах. Засушливые пустыни и горные районы (за исключением плодородных плоскогорий) просто требуют рассеивания для выживания, и они не могли стать ядром государственности. Эти безгосударственные пространства с различными хозяйственными практиками (скотоводство, собирательство, подсечно-огневое земледелие) и типами социальной организации часто стигматизируются государственным дискурсом как варварские.

Государственный «модуль» требует концентрации рабочей силы, преимущественно для оседлого земледелия. Яркий пример — заболоченные территории на юге месопотамского аллювия, где возникли первые крупные поселения на Ближнем Востоке[9]. Они были густонаселены и выращивали несколько культур, но самые первые города не оставили свидетельств постоянной распашки полей (однозначных археологических следов). Здесь применялись исключительно разнообразные хозяйственные практики: охота и собира-

чено в ловушку», границы которой сформировали болота, море, засушливые районы и горы, т. е. у зерновых земледельцев не оказалось легких способов бегства от государства. Карнейро полагает, что создатели государства фактически брали население в плен, ситуация была схожей и в Египте, и в первых государствах на Желтой реке, ограниченных пустынями, и в бассейне Амазонки, и в восточных лесах Северной Америки. Хотя в истории достаточно примеров возвращения людей к скотоводству, подсечно-огневому земледелию, морскому образу жизни и даже к охоте и собирательству, наличие географических и экологических сдерживающих факторов, а также враждебного окружения упрощало первым малым формам государственности задачу сохранения своего населения в аллювиальной долине. В Месопотамии проблема состояла в том, что при желании земледельцы легко превращались в скотоводов и перемещались в северные районы долины по течению Тигра и/или Евфрата (Carneiro, 1970: 733–738).

9. Подчеркну еще раз: речь идет не о первых примерах оседлого образа жизни, а о первых долговечных поселениях, на основе которых позже возникли государства. Первые проявления оседлости в аллювиальных долинах, как и повсеместно, носили неземледельческий характер и были основаны на собирательстве и охоте на стыке соседних экосистем, богатых ресурсами. Вероятно, первые в мире оседлые сообщества — прибрежные поселения культуры Дземон на северо-востоке Японии в 12 тысячелетии до н. э., возникшие одновременно или даже раньше натуфийской культуры в регионе Плодородного полумесяца. Представители Дземон занимались собирательством в богатых ресурсами и легкодоступных приморских и лесных районах, как коренные американцы на северо-западном побережье Тихого океана.

тельство, сбор диких камышей и осоки, летние выпасы овец, коз и крупного рогатого скота. Несмотря на высокую плотность и большую численность, население не занималось земледелием. «Реконструкция центра древних городов подтверждает не модель социальной трансформации, запущенной началом орошаемого зернового земледелия, а развитие поселений... благодаря адаптационной зависимости от прибрежной биомассы» (Pournelle, 2003: 202). Заболоченные земли обеспечивали накопление богатств и формирование городов, но не государств еще на протяжении целого тысячелетия. В отличие от ландшафта пахотного земледелия, разнообразие хозяйственных практик в этих районах не способствовало государственному строительству. Чтобы подтвердить гипотезу, что дельты крупных рек не подходили ранним государствам, можно обратиться к примеру дельты Нила. Первые египетские государства возникли выше дельты Нила: она также была густонаселена и богата ресурсами, но считалась враждебной и противостоящей государству. Как и жители заболоченных районов Месопотамии, население дельты Нила ловило черепах, рыбу, собирало тростник, питалось моллюсками и почти не занималось земледелием, а потому не стало частью династической истории Египта.

Центры первых государств по берегам Желтой реки также возникали в ее верховьях, а не в непредсказуемых районах ее дельты. Зерновое земледелие (основная культура — просо) было столь же необходимой основой государственного строительства в Китае, как выращивание пшеницы и ячменя в Месопотамии. Китайский государственный проект постоянно менял свою локацию, но всегда возрождался на плодородных лессовых почвах, оставляя в стороне горные районы (территории «внутренних варваров»), а также сложный и многообразный ландшафт дельты Желтой реки.

Фундамент всех аграрных государств древности — в Месопотамии, Египте, в долине Нила и на побережье Желтой реки — поразительно схож. Все аграрные государства были зерновыми: производили пшеницу, ячмень, а в случае Желтой реки — просо. Возникшие позже государства следовали тем же путем, хотя к списку основных сельскохозяйственных культур добавился орошаемый рис и в Новом Свете — кукуруза. Частичным исключением из данного сценария является государство инков, которое основано на выращивании кукурузы и картофеля, хотя кукуруза, видимо, все же доминировала в качестве «налоговой культуры»[10]. Во всех зерновых государствах один или два злака выступали основой рациона, определяли сельскохозяйственный календарь и служили единицей натурального налогообложения. Границы этих государств задавали экологические ниши

10. Такие культуры Анд, как амарант и киноа, из того же семейства «псевдозлаковых», не стали налоговыми, видимо потому, что период их созревания растянут во времени (из личной беседы с Алдером Келеманом в сентябре 2015 года).

из аллювиальных почв и источников воды, которые гарантировали саму возможность государственности. Однако следует вспомнить введенное А. Лефевром понятие «поссибилизм»: подобная экологическая ниша была необходима для государственного строительства (и могла быть расширена за счет изменения ландшафта — строительства каналов и террасирования), но недостаточна (Febvre, 1923: 171–200). Важно развести концентрацию населения и создание государства: обилие плодородных земель было предпосылкой урбанизации и развития торговли, но без масштабного зернового производства не гарантировало формирование государства (Manning, 2004).

Но почему зерновые культуры играли столь важную роль для первых государств? В конце концов, и другие культуры были одомашнены, скажем бобовые, чечевица, нут и горох на Ближнем Востоке, а таро и соя — в Китае, но почему они не стали фундаментом для государственного строительства? Вернее, почему в исторических хрониках нет упоминаний «чечевичных» государств, нутовых, таро-, саго-, хлебо-древесных, ямсовых, маниоковых, картофельных, арахисовых или банановых? Многие из этих культур дают больше калорий в расчете на единицу земли, чем пшеница или ячмень, некоторые требуют меньше затрат труда при сопоставимой питательной базе. Иными словами, многие из них соответствуют тем же агродемографическим условиям высокой плотности населения и качества питания, что и зерновые культуры (только орошаемый рис превосходит их с точки зрения калорийности в расчете на единицу земли)[11].

Ключ к пониманию взаимосвязи государства и зерна кроется в том, что только последнее могло стать основой для налогообложения: его урожай легко увидеть, поделить, оценить, хранить, транспортировать и «рационализировать». Другие культуры: бобовые, клубневые и крахмалоносные — обладают лишь некоторыми из этих желанных для государства качеств, но не всеми сразу. Чтобы оценить в полной мере уникальные преимущества зерновых, полезно представить себя на месте древних сборщиков налогов, которых интересовали прежде всего простота и эффективность работы. Тот факт, что зерновые растут над землей и созревают примерно в одно время, существенно облегчает работу сборщика налогов. Если армия или группа сборщиков налогов окажется в нужном месте в нужное время, то сможет мгновенно собрать, смолотить и изъять весь урожай. Вражеской армии зерновые предельно облегчают реализацию политики выжженной земли, т. е. сожжение всех полей с урожаем и принуждение земледельцев к бегству или к голодной смерти. И более того: сборщик налогов или враг может подождать, пока

11. Поскольку большинство питательных веществ орошаемый рис получает из воды, а не из почвы, устойчивое выращивание риса на протяжении длительного времени требует меньше паров и навоза, чем производство пшеницы или кукурузы.

крестьяне обмолотят урожай и сложат его в амбары, чтобы конфисковать содержимое зернохранилищ. В случае с церковной десятиной крестьянин должен был собрать зерно в снопы на поле, и сборщик десятины изымал каждый десятый сноп.

Сравним эту ситуацию с той, когда основной культурой является клубневая, например картофель или маниока. Они вызревают каждый год, но их можно спокойно оставить в земле еще на год или даже два, выкапывая по мере необходимости и храня урожай там, где он вырос, — под землей. Если армия или сборщики налогов захотят изъять у вас клубневые, им придется выкапывать картофелину за картофелиной, как поступает сам крестьянин, а в итоге они получат воз картошки, который стоит (в денежном или калорийном эквиваленте) значительно меньше, чем воз пшеницы, а испортится намного быстрее[12]. Король Пруссии Фридрих Великий приказывал своим подданным выращивать картофель, потому что понимал, что вражеским армиям будет непросто рассеять его земледельцев, привязанных к своим клубням (McNeill, 2007: 176–189).

«Надземное» и одновременное вызревание зерновых обладает тем важным преимуществом, что государственным сборщикам на-

12. Гипотеза о разных политических последствиях выращивания клубневых и зерновых подтверждена мной на обширном историческом материале в книге «The Art of Not Being Governed» («Искусство неуправляемой жизни»), в третьей и шестой главах. В книге я развожу «государственные» культуры, например рис, и «ускользающие от государства», такие как маниока и картофель. Государства зависят от зерновых на постоянных полях, и население, которое не хочет платить налоги и подчиняться государственному контролю, начинает переходить на клубневые, подсечно-огневое земледелие, охоту и собирательство, чтобы оказаться вне пределов досягаемости государства. Аналогичную, хотя и не полностью идентичную, аргументацию предлагали и другие авторы (см., напр.: Mayshar et al., 2015), которые отмечали ключевое различие (по легкости отъема у населения) зерновых и корнеплодов, но не смогли заметить того, что во многих регионах выбор культур имел политический характер: зарождающиеся государства поощряли, а часто и заставляли выращивать зерновые. Хотя другие авторы справедливо связывают зерновые с государственностью и социальной дифференциацией, а корнеплоды — с безгосударственными эгалитарными обществами, они ошибочно трактуют хозяйственные практики как примордиалистскую данность, а не как продукт политических институтов и решений (а ведь если имеется достаточно воды и хорошие почвы, то возможны разные стратегии выживания). Также эти авторы утверждают, видимо отталкиваясь от институциональной экономической теории предоставления общественных благ, что создание государства — великодушное изобретение элиты в целях защиты запасов зерна от «грабителей». Я придерживаюсь иной точки зрения: государство возникло в результате протекционистского рэкета победившей группы грабителей. Хотя я очень рад тому, что и другие обнаружили важную взаимосвязь между сортами возделываемых культур и государственным строительством, я все же должен настоять, рискуя подвергнуться критике за малодушие, что являюсь автором этой теории, которую сформулировал на шесть лет раньше других авторов.

логов легко оценить размер урожая и рассчитать взимаемые с него налоги. Эта особенность превращает пшеницу, ячмень, рис, просо и кукурузу в главные политические культуры. Налоговый сборщик обычно оценивает поля по качеству почв и, зная среднюю урожайность культуры на подобных почвах, может рассчитать размер налога. Если необходима корректировка по годам, то проводится обследование полей и срезка образцов урожая накануне его сбора, чтобы точно рассчитать размер налога в конкретный год. Государственные чиновники всегда пытались повысить урожайность зерновых и сборы от натурального налогообложения, навязывая крестьянам определенные сельскохозяйственные технологии. Например, в Месопотамии правители настаивали на повторной вспашке, чтобы раздробить большие комья земли, и на повторном бороновании, чтобы укрепить корневую систему растений и улучшить их питание. Суть в том, что зерновые культуры и подготовка почв обеспечивают «видимость» и простоту оценки урожая. Посмотрите под этим углом на налогооблагаемую базу коммерческой деятельности и поведение продавцов и покупателей на рынке — разница очевидна. Одна из причин государственного недоверия и стигматизации торговцев в Китае заключалась в том, что их богатство, в отличие от доходов рисовых земледельцев, легко скрыть, предоставить о нем недостоверные сведения и увести от налогообложения. Можно собирать налоги на рынке, плату за проезд на дорогах или в речных портах, где «прозрачны» сделки и размеры грузов, но сбор налогов с купцов был просто кошмаром для чиновников.

Тот факт, что урожай зерновых состоит из небольших зерен (очищенных или нет) и его можно обмерить, поделить и оценить, предоставляет огромные административные возможности. Как кусочки сахара или комки песка, зерна можно дробить почти до бесконечности, на все меньшие и меньшие части, и при этом очень точно оценивать их вес и объем. Зерновые меры становились стандартами измерения и стоимости в торговле и сборе дани, для расчета стоимости других товаров, включая труд. Ежедневный рацион низшего класса работников в Умме составлял почти два литра ячменя, для измерения этого объема использовались скошенные чаши, которые оказались одним из самых широко распространенных археологических артефактов.

Но почему не возникли нутовые или чечевичные государства? В конце концов, это питательные культуры, которые, как и зерновые, можно интенсивно выращивать, их урожай состоит из небольших зерен, которые можно сушить, долго хранить и легко делить на одинаковые маленькие порции. Решающим преимуществом зерновых является их предсказуемый урожай и практически одновременное вызревание. Основная проблема большинства бобовых, с точки зрения сборщика налогов, состоит в том, что они дают плоды непрерывно в течение длительного периода времени, поэтому бобы или горох можно собирать по мере их вызревания. Если

сборщик налогов прибудет слишком рано, то бóльшая часть урожая еще не созреет, а если слишком поздно, то налогоплательщики ее уже съедят, спрячут или продадут. За урожаем культур с четким жизненным циклом сборщику налогов достаточно прийти один раз. Зерновые культуры Старого Света с этой точки зрения прекрасно подходили для государственного строительства. Тогда как Новый Свет, если не брать в расчет смешанный случай кукурузы, урожай которой можно собрать сразу или оставить дозревать и высыхать на поле, почти не располагает культурами с по графику и одновременно вызревающим урожаем, поэтому здесь не возникло традиционных для Старого Света праздников урожая, доминирующих в сельскохозяйственном календаре. Вероятно, предсказуемый и четкий период созревания ряда культур является результатом селекционных усилий первых земледельцев эпохи неолита, но если это действительно так, то возникает вопрос, почему они не провели аналогичную селекционную работу с нутом и чечевицей.

Впрочем, все не так однозначно: хотя зерновая культура, будучи высажена на поле, вызреет за определенный срок, сезонные погодные колебания определяют разные сроки высаживания одной и той же культуры на разных полях, поэтому урожай с них будет собираться тоже в разное время. Вполне привычной практикой для земледельцев, стремящихся уйти от налогов, является тайный сбор части урожая до того, как зерно полностью созреет. При любой возможности архаические государства прилагали массу усилий, чтобы установить жесткие сроки высадки культур для каждого района. В случае с орошаемым рисом все примыкающие друг к другу поля затапливаются одновременно, и само это обстоятельство четко задает график посадки, но рис — почти единственная культура, которая требует подобных условий.

Другое преимущество зерновых состоит в том, что их урожай хорошо поддается оптовой перевозке навалом. Даже в архаичных условиях можно было с прибылью перевезти телегу зерна на значительно большее расстояние, чем любой другой продовольственный товар. А при наличии водного транспорта огромные запасы зерна можно было перевозить на значительные расстояния, расширяя тем самым сельскохозяйственную периферию, которую надеялось подчинить и обложить налогами любое раннее государство. Один документ эпохи третьей династии Ура (конец третьего тысячелетия до н. э.) содержит сведения о том, что баржи перевезли почти половину урожая ячменя, собранного вокруг Ура, в царские зернохранилища (Adams, 2008). Еще раз подчеркну: сборщик налогов в первых государствах Месопотамии, а если уж на то пошло, вплоть до XIX века, воспринимал сочетание аграрного государства с судоходной рекой или побережьем как благословение небес. Так, Римская империя обнаружила, что перевозить зерно (обычно из Египта) и вино по Средиземному морю намного дешевле, чем по суше, если расстояние превышало 100 миль (Lewis, 2007: 6).

Зерновые культуры, поскольку их стоимость в пересчете на единицу объема и веса выше, чем практически любого другого продукта, и они сравнительно хорошо хранятся, оказались идеальны для пропитания и налогообложения. Их можно было оставить в необработанном виде до тех пор, пока в них не возникнет необходимость. Их было удобно распределять среди работников и рабов, взимать как дань, обеспечивать ими солдат и войска, компенсировать с их помощью нехватку продовольствия или голод, кормить город, оказавшийся в осаде. Крайне сложно представить первые государства без зерна, которое стало их плотью и кровью.

Если зерно, а соответственно и поступление налогов, заканчивалось, то государственная власть начинала разрушаться. Могущество первых китайских государств держалось только на пахотных водосборных районах Желтой реки и Янцзы. За границами этого экологического и политического центра оседлого орошаемого рисового земледелия оставались ускользающие от налогов кочевые скотоводы, охотники-собиратели и подсечно-огневые земледельцы. Их называли «дикими» варварами, которые «еще не были нанесены на карту». Территория Римской империи, невзирая на все ее властные амбиции, не очень выдавалась за границы зернового земледелия. Римское правление на севере Альп было сконцентрировано в зоне, которую археологи, опираясь на найденные артефакты, назвали латенской культурой. Здесь плотность населения была выше, сельское хозяйство более устойчиво, а города (оппидумы) больше, тогда как за пределами зоны начиналась ясторфская культура — редконаселенная территория с доминированием кочевого скотоводства и подсечно-огневого земледелия (Heather, 2006: 56).

Этот контраст — отрезвляющее напоминание о том, что бóльшая часть мира и его населения находилась за границами первых зерновых государств, которые занимали очень узкую экологическую нишу, благоприятствовавшую интенсивному сельскому хозяйству. Вне досягаемости государств оставалось множество разнообразных и неприемлемых для государственного контроля стратегий выживания: наиболее важными из них были охота, собирательство, морская рыбная ловля и сбор моллюсков, садоводство, подсечно-огневое земледелие и специализированное скотоводство. Подобные хозяйственные практики были фискально непригодны, потому что не возмещали расходы на их налоговый контроль. Охотники и собиратели (на суше и на море) были столь рассеяны и мобильны, а их «приобретения» столь разнообразны и недолговечны, что отслеживать их, не говоря уже об обложении налогами, было практически невозможно. Садоводы, которые прекрасно одомашнили корнеплоды и клубневые культуры задолго до того, как было посажено первое зерно, оставляли значительную часть урожая в земле до тех пор, пока он им не понадобится, а могли и припрятать небольшой сад-огород в лесу. Подсечно-огневые земледельцы часто сажали зерновые, но на их полях обычно росли десятки разных куль-

тур с разным периодом вызревания. Кроме того, подсечно-огневые земледельцы сменяли поля каждые несколько лет, а иногда и места своего проживания. Специализированное скотоводство как некое ответвление сельского хозяйства разочаровывает сборщика налогов по тем же причинам — рассеяние и мобильность. Османская империя, основанная скотоводами, сталкивалась с огромными трудностями при сборе налогов с пастухов. Чиновники пытались собирать с них налоги раз в году, когда они находились на одном месте — в период отела и стрижки овечьей шерсти, однако и это оказалось крайне сложно организовать. «Османская мечта о рае оседлой жизни с предсказуемыми налоговыми сборами с мирных земледельцев не оставляла места для кочевых скотоводов... Кочевники следили за малейшими изменениями климата, чтобы обеспечить себе максимальный доступ к хорошим пастбищам и пресной воде, поэтому постоянно перемещались в пространстве» (Lindner, 1983: 65).

Так или иначе, «незерновые» народы, т. е. бóльшая часть населения мира, придерживалось таких хозяйственных практик и моделей социальной организации, которые противостояли попыткам налогообложения: территориальная мобильность и пространственное рассеяние, меняющийся размер групп и сообществ, разнообразные и легко скрываемые источники продовольствия, использование крайне малого числа пространственно фиксированных ресурсов. Но это не означает, что «незерновые» народы формировали замкнутые миры, совсем наоборот: шла активная торговля, причем основанная не на принуждении, а на добровольном коммерческом или бартерном обмене товарами между разными экологическими зонами к их взаимной выгоде. Однако народы, которые придерживались определенной хозяйственной практики, часто воспринимались как особый тип людей, несмотря на торговое партнерство с ними. Например, римляне считали главной чертой варваров то, что они употребляли в пищу молочные продукты и мясо, а не зерно, как римляне. Для жителей Месопотамии амореи были варварами, потому что якобы «не знают зерна... едят сырое мясо и не хоронят своих мертвых» (Yoffee, Cowgill, 1988: 49)[13].

Различные хозяйственные практики, описанные выше, не следует воспринимать как раз и навсегда данные и автономные. Группы неоднократно меняли свой жизненный уклад, а иногда придумывали столь сложные сочетания практик, что они не поддаются однозначным определениям. Не следует забывать и о том, что выбор хозяйственного уклада часто был политическим — диктовался позиционированием по отношению к государству.

Большинство городов в Месопотамской аллювиальной долине к середине третьего тысячелетия до н. э. было обнесено стенами. Впервые в истории государство обрело оборонительный панцирь.

13. В личном разговоре Сет Ричардсон отметил, что источник этой цитаты — художественное восхваление богов, а потому она вряд ли показательна.

И хотя обнесенная стеной территория обычно была скромной — от 10 до 33 гектаров, возведение и поддержание такого оборонительного периметра было трудоемкой задачей, даже если он строился постепенно, частями. Наличие стены говорит о том, что она защищает нечто ценное или укрывает от внешних посягательств. Наличие стен было однозначным признаком оседлого земледелия и длительного хранения продовольствия. Когда город-государство разрушался вместе со своими оборонительными стенами, то оседлое земледелие, как правило, исчезало с этой территории. Обычной практикой для того времени было разрушение стен побежденного города государством-победителем. Сконцентрированные в одном месте ценные ресурсы, искушающие грабителей, несомненно, требовали защиты. Их пространственное сосредоточение упрощало эту задачу, а ценность оправдывала затрачиваемые на ее решение усилия. Вот почему крестьянство всеми силами держалось за свои поля, сады, дома, амбары и скот — сохранение их было вопросом жизни и смерти. Не удивительно, что в эпосе о Гильгамеше царь — основатель государства возводит городские стены, чтобы защитить свой народ. Доказывает ли этот пример, что государство было результатом совместных усилий (возможно, общественного договора) подданных-земледельцев и их правителя (а также его воинов и строителей) по защите урожая, семей и скота от нападений других государств или безгосударственных племен?

Я полагаю, что все было намного сложнее. Как крестьянин пытался защитить свой урожай от разных «хищников» (людей и животных), так и государственные элиты стремились сохранить «мышечный каркас» своей власти — земледельческое население, зернохранилища, привилегии, богатства, политические и ритуальные полномочия. О. Латтимор и другие авторы отмечали, что Великая Китайская стена была построена, чтобы удержать китайских налогоплательщиков внутри государства, а не только чтобы уберечь его от нападений варваров (кочевников) извне. Иными словами, городские стены были предназначены для сохранения внутри своего диаметра основ государственности. Так называемые антиаморейные стены между Тигром и Евфратом удерживали скорее земледельцев в государственной зоне, чем амореев за ее границами (к тому времени они плотно заселили аллювиальный регион). По мнению ряда ученых, возведение стен стало следствием радикальной централизации власти в Уре третьей династии: их строили, чтобы не позволить мобильному населению ускользнуть от государственного контроля и чтобы защититься от тех, кто был принудительно выдворен за городские стены. В любом случае «задачей стен было обозначение пределов политического контроля» (Porter, 2012: 324)[14]. Контроль и удержание населения как главные причи-

14. Слово «стена» несколько дезориентирует, потому что может обозначать цепь населенных пунктов, укрепленных или нет, которые являются фи-

ны возведения стен и их основные функции, по сути, свидетельствуют о том, что бегство подданных было серьезной проблемой для ранних государств.

Крестьянство, благодаря долгим наблюдениям за искусством государственного строительства, понимало, что государство — это административная машина, ведущая записи, учет и замеры. Поэтому когда в деревне появлялся землемер с геодезическим оборудованием или переписчик с блокнотом и опросным листом, чтобы обследовать домохозяйства, крестьяне понимали, что не за горами такие напасти, как воинский призыв, барщина, изъятие земли, подушевые налоги и налоги на землю. Также они знали, что за государственной машиной принуждения скрываются груды бумаг — списки, налоговые сводки, нормативные акты, инструкции, приказы, которые в большинстве своем их озадачивали и были им совершенно непонятны. Крестьянское мировоззрение видело в государственной документации источник угнетения, поэтому первым шагом многих крестьянских восстаний было сожжение местной администрации, где хранилась вся документация. Осознав тот факт, что государство «видит» свои территории и подданных как цифры и буквы в документах, крестьянство предположило, что «ослепление» государства положит конец их бедам. Как точно подмечено в древней шумерской поговорке, «у человека может быть и король, и господин, но бояться он должен сборщика налогов» (Wang, 2014: 98).

Южная Месопотамия стала сердцем не одного, а нескольких взаимосвязанных экспериментов в сфере государственного строительства в период с 3300 до 2350 г. до н. э. Подобно Воюющим царствам Китая и поздним греческим полисам, южный аллювиальный район стал колыбелью соперничающих городов-государств, жизнь которых изобиловала взлетами и падениями. Наиболее известны из них Киш, Урук и Ур. Здесь происходило нечто удивительное и не имевшее исторических аналогов. С одной стороны, группы священников, сильных мужчин и местных лидеров расширяли и институционализировали структуры власти, которые прежде опирались только на идиоматику родства. Впервые в истории они создавали нечто напоминающее современное государство, хотя не осмысляли происходящее в этой терминологии. С другой стороны, тысячи земледельцев, ремесленников, торговцев и работников «перепрофилировались» в подданных, для чего были подсчитаны, обложены налогами, призывались на военную службу, принуждались к общественным работам и подчинялись новой форме контроля. Примерно в то же время появились первые формы письменности[15].

зической границей политического контроля и называются государственной границей или периметром.

15. Видимо, еще за несколько столетий до становления государственности в крупных учреждениях городского типа, предположительно в храмах,

Почти одновременное возникновение первых государств и первых форм письменности искушает сделать грубый функционалистский вывод, что будущие чиновники изобрели системы обозначений, которые имели первостепенное значение для государственного строительства. Действительно, невозможно помыслить первые государства без технологии количественного учета, даже если таковая имела форму узелкового письма инков (кипу). Безусловно, первое условие становления государственности — инвентаризация имеющихся ресурсов (населения, земли, сельскохозяйственных культур, поголовья скота и складских возможностей). Но эта информация, подобно кадастровой съемке, очень быстро устаревает. Государственная экспансия требовала постоянного документального учета поставок зерна, барщины, реквизиций, счетов и т. д. Как только государственное образование разрасталось до нескольких тысяч подданных, ему была необходима некая форма ведения записей, документооборот — память и устная традиция здесь не справляются.

В качестве показательного примера взаимосвязи государственного управления и письменности можно привести Месопотамию, где письменность использовалась для бухгалтерского учета за полтысячелетия до того, как начала отражать цивилизационные достижения, которые мы сегодня связываем с письменностью, — литературу, мифологию, хвалебные гимны, царские родословные и генеалогии, исторические хроники и религиозные тексты[16]. Например, великолепный эпос о Гильгамеше датируется третьей династией Ура (2100 г. до н. э.), т. е. тысячелетием позже, чем начало использования клинописи для государственных и коммерческих целей.

Какие выводы о правлении в Шумере можно сделать из коллекции клинописных табличек, которые были восстановлены и переведены? Они показывают, сколько усилий было вложено в создание системы обозначений, которая позволила правителям и храмовым чиновникам оценивать трудовые и производственные ресурсы, чтобы отбирать зерно и рабочую силу. Безусловно, мы хорошо знаем современную бюрократию, поэтому понимаем, что далеко не всегда документальные записи отражают реалии жизни. Документы под-

возникла протоклинопись — для записи сделок и распределения благ (из личного разговора с Дэвисом Уэнгроу в мае 2015 года).

16. Х. Ниссен добавляет: «Возникновение письменности, на мой взгляд, не должно провозглашаться одним из величайших интеллектуальных достижений человечества. Влияние письменности на интеллектуальную жизнь не было столь внезапным, чтобы могло оправдать разведение темных «доисторических» веков и яркой истории... К тому времени, как возникла письменность, уже была сделана бóльшая часть шагов на пути к более цивилизованной форме жизни. Письменность — скорее побочный продукт бурного развития и усложнения городов и государств» (Nissen, 1985: 360). С. Поллак полагает, что клинопись не использовалась для записи храмовых гимнов и посвящений, мифов и пословиц по крайней мере до 2500 г. до н. э. (Pollack, 1999: 168).

делывают и наполняют неверными сведениями в личных интересах или в угоду начальству. Правила и положения, скрупулезно прописанные на бумаге, могут вообще не работать на практике. Записи о земельных наделах могут быть подтасованы, отсутствовать или быть неточными. Порядок ведения записей, как и порядок на плацу, часто маскирует хаос в реальном управлении и на поле битвы. Записи предлагают нам утопическую картину государственного управления, которая похожа на классификационную модель Линнея своей логикой — выделением категорий и единиц измерения, но главное, объектов наблюдения. Образ «государства-интенданта с нездоровым блеском в глазах» здесь показателен. Как бы подтверждая эту необузданную страсть чиновничества к учету, главным символом царской власти в Шумере были стержень и линии — инструменты инспектора (Crawford, 2015: 88; Cronon, 2003).

Первые административные документы (клинописные таблички) из Урука четвертой династии (3300–3100 г. до н. э.) — это списки, списки и списки, в основном зерна, рабочей силы и налогов. Названия сохранившихся табличек в порядке частоты встречаемости таковы: ячмень (в форме пайков и налогов), военнопленные, рабы — мужчины и женщины (Algaze, 2013). Урук четвертой династии, как и более поздние центры государственности, был крайне озабочен составлением списков населения. Навязчивой идеей всех древних царств было максимальное увеличение численности населения — эта задача превалировала над завоеванием территории. Именно население — крестьяне, ремесленники, солдаты и рабы — было богатством государства. Город Умма, подвластный Уру, где было найдено множество клинописных табличек, датируемых примерно 2255 г. до н. э., был поразительно развит для своего времени, занимая 100 гектаров земли и располагая населением в 10–20 тыс. человек — внушительным с точки зрения задач управления. Фундаментом системы управления Уммы была перепись населения по параметрам места жительства, возраста и пола, на ее данных основывалось подушное налогообложение, барщина и воинский призыв. Земельные наделы — храмовые и индивидуальные — проектировались (по размерам, качеству почв и ожидаемой урожайности) таким образом, чтобы можно было дать им налоговую оценку. Ряд шумерских государственных образований, особенно Ур третьей династии, напоминает командно-административную экономику, жестко централизованную («на бумаге», т. е. на табличках), милитаризованную и строго регламентированную, наподобие воинственной Спарты среди греческих полисов. Одна табличка упоминает 840 порций ячменя, отмеренных, по всей вероятности, в скошенную чашу (видимо, предмет массового производства в ту эпоху) объемом в два литра. На других табличках записаны пайки пива, крупы и муки, что говорит о повсеместном распространении трудовых бригад, состоящих из военнопленных, рабов или отрабатывающих барщину.

Главной заботой первых государств была стандартизация и абстрактное мышление, необходимые для учета и распределения рабочей силы, зерна и земли. Крайне важным для стандартизации стало изобретение (благодаря письменности) номенклатуры документов всех типов: счетов, рабочих заказов, трудовых сборов и пр. Навязывание письменной системы кодировки в городах-государствах привело к вытеснению общеупотребительных речевых оборотов и стало технологией сокращения расстояний в небольших царствах. Для всех видов работ были введены трудовые нормы: для вспашки, боронования и сева. Были заданы «рабочие периоды», показывающие соотношение «кредита и дебета» в рабочих заданиях. Для рыбы, масла и тканей были разработаны нормы классификации и оценки качества — по весу или типу плетения. Скот, рабы и работники классифицировались по полу и возрасту. Таким образом, здесь в зачаточном состоянии наблюдается статистический учет, жизненно важный для расширяющегося государства, которое стремится выжать как можно больше богатств из своих территорий и населения.

В Древнем Китае письменность возникла на тысячелетие позже, вдоль побережий Желтой реки. Вероятно, она начала формироваться в культуре эрлитоу, но свидетельств тому не сохранилось. Наиболее известные образцы первой письменности относятся к периоду династии Шан (1600–1050 гг. до н. э.) — это гадальные кости. С этого времени и до эпохи Воюющих царств (476–221 гг. до н. э.) письменность постоянно использовалась в государственном управлении. Однако лишь в период славного, краткого и реформаторского правления династии Цинь (221–206 гг. до н. э.) связь между письменностью и государственным строительством стала очевидна. Династия Цинь, подобно третьей династии Ура, была одержима порядком и систематизацией, что позволило ей добиться точной оценки и полной мобилизации своих ресурсов. По крайней мере, на бумаге ее амбиции были безмерны. Ни в Китае, ни в Месопотамии изначально письменность не предназначалась для фиксации устной речи.

Основой стандартизации, к которой стремилась династия Цинь, стала обновленная и унифицированная система письма: из него была удалена четверть идеограмм, оно стало более четким и применялось на всей территории царства. Поскольку письмо не было транскрипцией речевого диалекта, оно стало универсальным (Wang, 2014; Lewis, 2007). Как и в других ранних государствах, стандартизация затронула чеканку монет, единицы веса, расстояний и объема, в том числе зерна и земли. Власть стремилась искоренить многообразие местных традиционных практик измерения, чтобы впервые в истории центральная администрация смогла точно оценить имеющиеся в ее распоряжении богатства, производственные и человеческие ресурсы. Главной целью было создание централизованного государства, а не просто сильного города-государства, довольствующегося периодическим сбором дани с созвездия окружающих его квазинезависимых городов-спутников. Придворный

историк династии Хань Сыма Цянь высоко оценивал достижения Шан Яна, императора династии Цинь, превратившего государство в мощную военную машину: «Для полей он открыл *цань* и *ма* (горизонтальные и вертикальные дороги) и задал границы... уравнял военные и земельные налоги и ввел стандарты измерения объема, веса и длины» (Lewis, 2007: 274). Позже были унифицированы рабочие нормы и инструменты труда.

В ситуации постоянного регионального военного соперничества конкурирующим государствам приходилось выжимать максимум из имеющихся ресурсов. Это означало необходимость создавать новые и совершенствовать наличные ресурсы, используя доступные технологии. Тщательная регистрация домохозяйств для упрощения подушного налогообложения и воинского призыва, а также переписи все возрастающего населения были признаками сильной государственной власти. Пленники размещались вблизи царского двора, перемещения населения контролировались. Одной из ключевых черт государственного строительства в аграрных царствах были попытки удержать население на одном месте и не допустить его свободного передвижения. Мобильность и рассеяние — катастрофа для сборщика налогов.

К счастью для него, земля остается на одном и том же месте. И когда династия Цинь признала частные землевладения, она провела их тщательнейшую кадастровую оценку, связав каждый клочок пахотных угодий с конкретным владельцем/налогоплательщиком. Земельные наделы были классифицированы по качеству почв, возделываемым культурам и колебаниям осадков, что позволило налоговым чиновникам рассчитать ожидаемую урожайность и налоговые ставки. Налоговые чиновники династии Цинь ежегодно оценивали посевные культуры, что теоретически помогало корректировать налоговые ставки с учетом реальных урожаев.

Итак, главной задачей государственных чиновников, которую они решали посредством письменности, статистического учета, переписей и измерений, был переход от грабежа в чистом виде к рациональным формам отъема труда и продовольствия у подданных. Этот проект, несмотря на свою исключительную важность, вряд ли был единственной политической мерой, призванной сделать подконтрольную территорию более богатой, тщательно ее оценить и легко извлекать из нее ресурсы. Хотя не первые государства придумали ирригацию и способы контроля воды, они расширили оросительные системы и каналы, чтобы упростить транспортное сообщение и увеличить зерновые посевы. При любой возможности они наращивали численность и усиливали подконтрольность трудоспособного населения, насильственно переселяя подданных и военнопленных. Введенная династией Цинь система «равных полей» должна была обеспечить каждому ее подданному достаточный надел земли, чтобы платить налоги и пополнять царское войско. Понимая важность населения, государство в этот период не только запрети-

ло ему покидать свою территорию, но и ввело элементы пронаталистской политики — налоговые льготы для женщин, родивших новых подданных, и их семей. Неолитический переселенческий лагерь стал ядром первых государств, однако искусство государственного строительства в тот период состояло в хитроумной политической перекройке ландшафта в целях обогащения (обеспечения бо́льших земельных посевов и большего по численности и плотности населения) и в создании информационных технологий (письменных записей), которые облегчали государственный контроль за этими ресурсами. Однако усилия по всестороннему (вширь и вглубь) проектированию пространства, возможно, обусловили гибель самых амбициозных первых государств: гиперрегламентированная третья династия Ура не продержалась и столетия, а жизнь династии Цинь продлилась всего пятнадцать лет.

Если письменность неразрывно связана с государственным строительством, что происходит, когда государство распадается? Имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные археологические данные свидетельствуют, что без армии государственных чиновников, административных документов и иерархической коммуникации область применения письменности резко сокращается, иногда вплоть до ее полного исчезновения. Это не удивительно, учитывая, что в самых ранних государствах письменностью владел очень узкий слой населения, в основном чиновники. Примерно с 1200 по 800 г. до н. э., в Темные века древнегреческой истории, полисы распались. Когда письменность возродилась, это было не прежнее «линейное письмо Б», а новый вид письма, заимствованный у финикийцев. Однако между этими двумя событиями греческая культура сохранялась в устных формах, в этот период были созданы «Илиада» и «Одиссея», записанные позже. Даже распад Римской империи в V веке, несмотря на ее обширную литературную традицию, привел к почти полному исчезновению латыни за пределами нескольких религиозных учреждений. Видимо, в первых государствах письменность развивалась как инструмент государственного управления, а потому была столь же хрупка и мимолетна, как они сами.

А что, если грамотность в первых обществах была одним из способов коммуникации, как земледелие — одним из способов выживания? Разные формы земледелия были известны задолго до их широкомасштабного распространения в соответствующих экологических и демографических условиях. То же самое можно сказать о письменности: мир не был «темен», пока мрак не рассеял светоч письменности. Первые формы письма были артефактом государственного строительства, концентрации населения и расширения территорий, а потому они оказались непригодны для иных задач. Одна из теорий возникновения письменности в Месопотамии гласит, что во всех прочих районах она отвергалась из-за своей неразрывной связи с государством и налогами, как вспашка отвергалась, поскольку ассоциировалась с тяжелой работой: «[Почему] сооб-

щества на периферии отказывались использовать письменность, хотя множество археологических культур были подвержены влиянию развитой Южной Месопотамии? Можно предположить, что этот отказ был сознательным. Но каковы его причины... Вероятно, дело не в недостаточном уровне интеллектуального развития (для восприятия сложной письменности): жители периферии оказались столь умны, что благодаря отказу от письменности еще по меньшей мере пятьсот лет ускользали от репрессивных государственных структур, которые позже были навязаны им в ходе военных завоеваний... Судя по всему, периферия отвергала все сложные технологии государственности даже в случае их прямого воздействия... тем самым еще полтысячелетия избегая закабаления государством» (Algaze, 2013; Scott, 2009: 220–237).

Перевод с англ. И. В. Троцук

Adams R. Mc C. (2008) An Inter disciplinary Overview of a Mesopotamian City and its Hinterland. *Cuneiform Digital Library Journal,* no. 1, pp. 1–23.

Algaze G. (1989) The Uruk Expansion: Cross Cultural Exchange in Early Mesopotamian Civilization. *Current Anthropology,* vol. 30, no. 5, pp. 571–608.

Algaze G. (2013) The End of Pre-history and the Uruk Period. H. Crawford (ed.) *The Sumerian World.* L.: Routledge, pp. 68–94.

Carneiro R. (1970) A Theory of the Origin of the State. *Science*, vol. 169, pp. 733–739.

Cowgill G. L. (1975) On Causes and Consequences of Ancient and Modern Population Changes. *American Anthropologist,* vol. 77, no. 3, pp. 505–525.

Crawford H. (2013) *The Sumerian World*. L.: Routledge.

Crawford H. (2015) *Ur: The City of the Moon God*. L.: Bloomsbury.

Cronon W. (2003) *Changes in the Land: Indians, Colonists, and the Ecology of New England.* N.Y.: Hill and Wang.

Febvre L. (1923) *A Geographical Introduction to History*. Trans. E. G. Mountford, J. H. Paxton. L.: Routledge Keegan Paul.

Heather P. (2006) *The Fall of the Roman Empire: A New History of Rome and the Barbarians*. Oxford: Oxford University Press.

Hillman G. (1984) Traditional Husbandry and Processing of Archaic Cereals in Recent Time: The Operations, Products and Equipment which Might Feature in Sumerian Texts. *Bulletin of Sumerian Agriculture,* vol. 1.

Lattimore O. (1962) *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958*. London: Oxford University Press.

Leach H. M. (2003) Human Domestication Reconsidered. *Current Anthropology,* vol. 44, no. 3, pp. 349–368.

Lee R. B., Daly R. (1999) *The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lewis M. E. (2007) *The Early Chinese Empires: Qin and Han*. Cambridge: Harvard Belknap Press.

Lindner R. P. (1983) *Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia*. Indiana University Uralic and Altaic Series, vol. 144. S. Halkovic (ed.). Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies Indiana University.

Manning R. (2004) *Against the Grain: How Agriculture has Hijacked Civilization*. N.Y.: Northpoint Press.

Mayshar J. O. M., Neeman Z., Pascali L. (2015) *Cereals, Appropriability and Hierarchy.* CEPR Discussion Paper 10742.

McMahon A. (2015) North Mesopotamia in the Third Millennium BC. H. Crawford. *The Sumerian World*. L.: Routledge, pp. 462–475

McNeill W. H. (2007) Frederick the Great and the Propagation of Potatoes. B. Hollinshead, T. K. Rabb (eds.) *I Wish I'd Have Been There: Twenty Historians Revisit Key Moments in History*. N.Y.: Vintage, pp. 176–189.

Mumford J. R. (2012) *Vertical Empire: The General Resettlement of the Andes*. Durham, NC: Duke University Press.

Nemet-Nejat K. R. (2002) *Daily Life in Mesopotamia*. Peabody, MA: Hendrickson Publishers.

Nissen H. J. (1985) The Emergence of Writing in the Ancient Near East. *Interdisciplinary Science Reviews*, vol. 10, no. 4, pp. 349–361.

Nissen H. J. (1988) *The Early History of the Ancient Near East, 9000–2000*. Chicago: University of Chicago Press.

Nissen H. J., Heine P. (2009) *From Mesopotamia to Iraq: A Concise History*. Chicago: University of Chicago Press.

Panter-Brick C., Layton R. H., Rowley-Conwy P. (2001) *Hunter-Gatherers: An Interdisciplinary Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.

Paulette T. (2016) Grain, Storage, and State-making in Mesopotamia, 3200–2000 BC. L. R. Manzanilla, M. S. Rothman. *Storage in Complex Societies: Administration, Organization, and Control.* L.: Routledge.

Pollock S. (1992) Bureaucrats and Managers: Peasants and Pastoralists: Imperialists and Traders: Research on the Uruk and Jemdet Nar Periods in Mesopotamia. *Journal of World Pre-history,* vol. 6, no. 3, pp. 297–336.

Pollock S. (1999) *Ancient Mesopotamia: The Eden that Never Was*. Cambridge: Cambridge University Press.

Porter A. (2012) *Mobile Pastoralism and the Formation of Near Eastern Civilization: Weaving Together Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Postgate J. N. (1992) *Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History.* L.: Routledge.

Postgate J. N. (2003) A Sumerian City: Town and Country in the Third Millennium BC. *The Archaeology of Mesopotamia*. Oxford: Routledge.

Pournelle J. (2003) *Marshland of Cities: Deltaic Landscapes and the Evolution of Early Mesopotamian Civilization* (PhD Thesis), University of California at San Diego.

Pournelle J. (2012) Physical Geography. H. Crawford (ed.) *The Sumerian World*. Oxford: Routledge, pp. 13–32.

Pournelle J., Algaze G. (2010) Travels in Edin: Deltaic Resilience and Early Urbanism in Greater Mesopotamia. H. Crawford et. al. *Preludes to Urbanism: Studies in the Late Chalcolithic of Mesopotamia in Honour of Joan Oates.* Oxford: Archaeopress, pp. 7–34.

Pournelle J., Darweesh N., Hritz C. (2015) Resilient Landscapes: Riparian Evolution in the Wetlands of Southern Iraq. D. Lawrence, M. Altaweel, G. Philip (eds.) *New Agendas in Remote Sensing and Landscape Archaeology in the Near East*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago.

Pournelle J., Hritz C. (2015) Feeding history: Deltaic Resilience, Inherited Practice and Millennial-scale Sustainability. H. T. Foster II, D. J. Goldstein, L. M. Paciulli (eds.) *The Future in the Past: Historical Ecology Applied to Environmental Issues*. Columbia: University of South Carolina Press.

Richardson S. (2012) Early Mesopotamia: The Presumptive State. *Past and Present,* no. 215, pp. 3–48.

Rindos D. (1984) *The Origins of Agriculture: An Evolutionary Perspective*. San Diego: Academic Press.

Scott J. C. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*, New Haven: Yale University Press.

Smith B. D. (1995) *The Emergence of Agriculture*. N.Y.: Scientific American Library.

Smith M. L. (2006) How Ancient Agriculturalists Managed Yield Fluctuations through Crop Selection and Reliance on Wild Plants: An Example from Central India. *Economic Botany,* vol. 60, no. 1, pp. 39–48.

Wang H. (2014) *Writing and the Ancient State: Early China in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wilkinson T. J. (2013) Hydraulic landscapes and irrigation systems of Sumer. H. Crawford (ed.) *The Sumerian World*. N. Y.: Routledge, pp. 33–54.

Woods C. (2010) *Visible Writing The Invention of Writing in the Ancient Middle-East and Beyond*. Chicago: University of Chicago Press.

Yoffee N. (2005) *Myths of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States and Civilizations*. Cambridge: Cambridge University Press.

Yoffee N., Cowgill G. L. (1988) *The Collapse of Ancient States and Civilizations*. Tucson: University of Arizona Press.

Early states in the history of humankind: agroecology, writing, grain and city walls

James C. Scott, Professor of Political Science and Anthropology at Yale University and Co-Director of Yale Program in Agrarian Studies; Yale University, Box 208209, New Haven, CT 06520–8206. E-mail: james.scott@yale.edu.

The article is devoted to what might be called the “grain hypothesis”. Why are the grassy grain crops — typically barley, rye, wheat, rice, maze, and millets — so closely associated with the earliest states? The author’s guess is that only such grains are best suited to concentrated production, tax assessment, appropriation, cadastral surveys, storage, and rationing. On suitable soil, wheat provides the agro-ecology for dense concentrations of human subjects. If we were evaluating crops from the perspective of the pre-modern tax man, the major grains (above all, irrigated rice) would be among the most preferred, and roots and tubers among the least preferred. It follows that state formation becomes possible only when there are few alternatives to a diet dominated by domesticated grains. So long as subsistence is spread across several food-webs, as it is for hunter-gatherers, swidden cultivators, marine foragers, etc., a state is unlikely to arise, inasmuch as there is no readily assessable and accessible staple to serve as a basis for appropriation. Contrary to some earlier assumptions, the state did not invent irrigation as a way of concentrating population, let alone crop domestication; both were the achievements of pre-state peoples. What the state has often done, once established, however, is to maintain, amplify and expand the agro-ecological setting that is the basis of its power by what we might call state-landscaping. This has included repairing silted channels, digging new feeder canals, settling war captives on arable land, penalizing subjects who are not cultivating, clearing new fields, forbidding non-taxable subsistence activities such as swiddening and foraging, and trying to prevent the flight of its subjects. The early state strives to create a legible, measured, and fairly uniform landscape of taxable grain crops and to hold on this land a large population available for corvée labor, conscription, and, of course, grain production. For dozens of reasons, ecological and political, the state often fails to achieve this aim, but this is, as it were, the steady glint in its eye.

Keywords: grain hypothesis; early state; agro-ecology; state building; concentration of population; sedentism; pre-state people; uniform landscape; ecological and political reasons

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-6-32